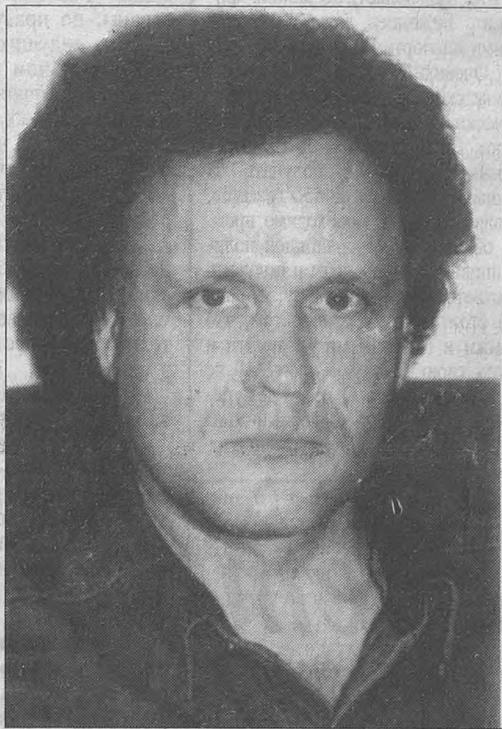

Николай Еременко:

ПЕРСОНА

Отец по благу устроил меня во ВГИК

Широкоплечий, статный, с густой кудрявой шевелюрой до плеч, с нежным и в то же время мужественным лицом... Многих представительниц прекрасного пола очаровал Николай Еременко-младший в знаменитом фильме «Красное и черное»...

Рек. - 1984 - 28 марта - 3 стр. - с. 18

— Было ли неожиданностью предложение сыграть Жюльена Сореля?

— Нет. К этой роли я шел семь лет, репетировал со второго курса ВГИКа, она была дипломной работой...

— Годы работы над этой ролью как-то повлияли на ваш образ жизни, отношение к женщинам?

— В своих любовницах в церкви из пистолета не стрелял... А если серьезно, конечно же, повлияли. Это был большой этап в моей жизни — как артиста и как человека. Я много думал о книге, о своем герое, о женщинах вообще.

— Что больше стали в них ценить?

— Верность... Но, пожалуй, «Красное и черное» повлияло на мою жену больше, чем на меня. Ей изрядно потрепали нервы. Бесконечные телефонные звонки, мешки писем, визиты поклонниц домой, подметные письма, угрозы, намеки, слухи... Вера не могла не переживать. Но лично я поводов для переживаний старался не давать.

— У большого успеха есть еще одна оборотная сторона: вас наперебой стали приглашать на роли пылких любовников.

— К таким ролям располагали внешние данные, возраст, что режиссеры и старались эксплуатировать. И как я ни сопротивлялся, приходилось играть любовников, хотя была (и остается!) тяга и к острохарактерным, и к комедийным ролям. Я ведь это все могу, еще во ВГИКе это чувствовал — Плюшкина там играл, можете себе представить?

— Вы сказали: сопротивлялся. Каким образом?

— Много раз, к счастью, — так и напишите, отказывался сниматься, когда предлагали как бы повторить уже сыгранное мною. И потому мои любовники не примелькались, остались в памяти зрителей. Но однажды, во что трудно поверить, отказался от прекрасной трагедийной роли — Ставрогина в «Бесах». Наверное, буду об этом жалеть всю оставшуюся жизнь. Причем уже был утвержден. И вдруг взял и отказался. А почему — и сейчас толком не знаю. Может быть, побоялся, что не выдержу, сойду с ума от напряжения. Такое тоже бывает у актеров...

— Были у меня, между прочим, и характерные роли. Вспомните хотя бы Меншикова из «Юности Петра».

— Мне вспоминается лейтенант Дроздовский...

— Это моя первая большая и очень дорогая для меня роль... Окончив ВГИК в 1971 году, я решил не возвращаться в Минск, потому что только в Москве имел шанс получить интересную работу. Сперва жил по инерции в общежитии, но вскоре за мной милиция стала охотиться — пришло время в армии служить. Довелось побегать по Москве в поисках приюта, за неимением лучшего часто ночевал на во-

зле. Так продолжалось, пока не попался мне в руки сценарий по роману Юрия Бондарева «Горячий снег». Роль Дроздовского пришлось брать с боем.

— Как это понимать?

— В самом прямом смысле. Мне предлагали другие роли. Но я хотел сыграть именно этого, непростого и не совсем приятного человека. С каждым конкурентом приходилось индивидуально разбираться. А режиссеру Егизарову прямо сказал: «Жить не будете, если другому отдадите Дроздовского».

— Таким способом, как в «Горячем снеге», вы больше не добивались ролей?

— Никогда, и видел в этом позицию: я должен выбирать из предложенного, а не предлагать себя. Слава Богу, на меня всегда был спрос. Впрочем, один раз напросился-таки. Мне очень хотелось сыграть в «Пиратах XX века», а режиссер Борис Дуров не уверен был, что «любимец дам» потянет роль героя крутого боевика. Уж больно стойкий был у меня тогда имидж Жюльена Сореля. Разговариваем мы, вижу, не очень-то он ко мне расположен, читаю в его глазах сомнения. Я тогда подошел поближе к нему и предложил пощупать бицепсы. Он пощупал и утвердил меня на роль. И, между прочим, моего стармеха, а не Жюльена читатели «Советского экрана» назвали лучшей актерской работой года.

— Сразу после ВГИКа вам было туго по всем параметрам. Но ряд житейских проблем можно было решить просто: жить в Москве. Тем более что было из кого выбирать. Такой вариант не приходил в голову?

— Приходило одно: надо застолбиться, заявить о себе как об актере. И когда заявил, от предложений сниматься отбою не было... Да, очень хорошо, что встретил человека, которого полюбил, что нашел свой угол, который во многом помог мне сделать то, что я сделал. Но, повторяю, никаких искусственных мер в плане женитьбы я не предпринимал. Все вышло органично, и потому мы с Верой вместе более двадцати лет.

— Свою роль тут, наверное, и гены сыграли...

— Да, мои родители вот уже 47 лет вместе. Я им очень, очень многим обязан. Я просто счастлив, что сумел к 70-летию Николая Еременко-старшего поставить фильм «Сын за отца...», где мы впервые с ним снялись. Это благодаря ему я сейчас здесь, а не на нарах: каждый второй из моих школьных друзей отсидел, и не по разу. Он не давал переступить грань, которую нельзя было переступить, а дальше я должен был разбираться сам. Это отец по благу устроил меня во ВГИК, дал мне шанс обрести себя в любимой профессии...

— В «Крестоносце», одном из последних ваших фильмов, есть эпизод, где

ваш герой развлекается с голыми девицами. Не испытывали неловкости?

— Скорее, девицы испытывали неловкость. Я профессионал, для меня это такая же работа, как есть, пить, делать что угодно другое перед камерой, если это необходимо для роли, на которую согласился. А они не актрисы, и потому вели себя неестественно — не так, как требовалось по сценарию, были скованными. Приходилось их подталкивать, чтобы выглядели в кадре понатуральнее.

— Вы были у истоков нашего эротического кинематографа, когда считалось, что «секса у нас нет». И вот на страну хлынула волна эротической продукции. Как к ней относитесь?

— Сама по себе эротика — это совсем не плохо. Может, даже хорошо. Другое дело, что у нас все принимает крайние, уродливые формы. И тогда эротика превращается в убожество, в порнографию. Между прочим, впервые в жизни я увидел стриптиз благодаря Герасимову, когда еще студентом ездил с ним в Польшу. Потом он рассказывал: у меня было такое ошалелое лицо, что он смотрел на меня, а не на стриптиза. Это ему было интересно.

— Потом, давайте мыслить по-государственному: рождаемость в стране катастрофически падает. Может, эротика как-то возбудит наших мужиков?

— Можете открыть секрет: каких женщин любят Жюльен Сорель?

— Виноватых. Это не мои слова — Виктора Шкловского. Когда такой же вопрос был ему задан на женском фестивале в Италии, он так гениально и ответил. И зал взревел от восторга. Правда, в зале сидели почти одни женщины. Они-то понимают, про что речь. Это мужики непонятливы. Если женщина перед тобой провинилась в чем-то, ты с ней можешь делать что угодно.

— Что вас больше всего возмущает в отношении мужчин к женщинам?

— Потребительство. И высокомерность, которая рано или поздно, но всегда, я уверен, будет наказана.

— Были ли в вашей жизни случаи, когда женщина не отвечала на вашу к ней, скажем так, симпатию?

— Да, и я их после этого уважал еще больше.

— Что вам в женщинах больше всего не нравится?

— «Гренадерство». Причем часто бывает так, что с виду это милая, женственная особа, а присмотришься: мужик мухомор. Появилась порода — порода! — женщин, которых можно бить. Представляете?

— Приходилось бить?

— К счастью, нет. Но иногда очень хотелось. Нельзя, нельзя допустить, чтобы женщина теряла свое предназначение укрывать жизнь.

Беседовал Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ